

УДК 811

**Одиночество Николая Гоголя
(Готовы ли мы к новому прочтению
творческого наследия нашего классика?)**

Казарин В. П.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

Все мы, как известно, у времени в плену.

В плену у времени и наши представления о литературе и писателях. В эпоху классицизма Шекспир воспринимался в России как драматург-классицист, в эпоху романтизма – как образцовый романтик, в эпоху реализма – как сформировавшийся реалист.

Это говорит об известной условности наших литературоведческих оценок, но, одновременно, не отменяет необходимости в каждый новый исторический период снова и снова выстраивать отвечающую запросам времени литературную концепцию. Применительно к гениям это тем более важно, что провидческий характер их писательских прозрений, как правило, становится понятен нам всем только по прошествии значительного времени. И то же самое время позволяет нам сегодня без особого труда увидеть то, о чем задолго до нас в мучительных поисках и усилиях уже догадывались наши великие предшественники.

Творчество Н. В. Гоголя в XXI веке нуждается в полном и кардинальном переосмыслении.

Это давно вызревавшее во мне понимание стало простой констатацией обыденного факта после того, как я встретился в свое время с часто цитируемыми словами Габриэля Гарсиа Маркеса о том, что латиноамериканский «магический реализм» вырос из прозы Гоголя. Это было шоком и прозрением. Оказалось, что Гоголь, такой привычный и по-школярски изученный, никого не спрашивая, взял и отправился в далекую Латинскую Америку, угнездился там и вдохновил писателей этого континента на создание совершенно необычной и удивительной литературы, которой сегодня зачитывается весь мир.

Это было **шоком**, потому что из Гоголя, осмысленного и описанного революционно-демократической критикой и советской литературной наукой, никакой магический реализм ни в какой стране вырасти не мог. Этот Гоголь – автор жестко-социальных произведений о несчастных и безнадежно потерянных для человечества героях, один взгляд на которых (смотри многочисленные, но одинаково карикатурные изображения его персонажей у иллюстраторов) вызывает смертную тоску и скуку.

Из такой литературы не может вырасти никакой магический реализм, потому что в ней нет ничего магического. Здесь все застыло и окаменело. В мире описанной и осмысленной таким образом прозы все сковано и предопределено социальной целесообразностью и плоско понятой материалистической объективностью. Такой писатель не может зажечь и увлечь идеями даже своих сдержанных соотечественников, не говоря уже о пылких латиноамериканцах.

Это было **прозрением**, потому что стало ясно, что Гоголь совсем не такой писатель.

Нобелевская речь, прочитанная Маркесом в Осло в 1982 году, названа им «Одиночество Латинской Америки». Если одиночество, по мнению нобелевского лауреата, является культурной доминантой последнего периода развития этого бурного и трагического континента, то да – Гоголь их писатель!

Одиночество – вот верно подмеченная на другой стороне земного шара главная черта биографии и творчества Гоголя.

Одиноким во всем.

Бессемейный и бездетный.

Окруженный друзьями и единомышленниками, которые, как оказалось в жизненном итоге, его меньше всего понимали.

Иначе и быть не могло. Гоголь категорически не укладывался в схемы, которые рисовали его современники. Поэтому его на разных этапах творческого развития последовательно подвергнут острой критике все, кто сначала хвалил. Писатель жил с ощущением своего избранничества, своей роли пророка, мессии, призванного спасти родину, освободить народ от «страшной, потрясающей тины мелочей, опутавших нашу жизнь», указать человеку его дорогу. Именно художник должен пробудить мистической силой своего слова заложенное в каждом гармоническое начало, разрушить коросту социальных предрассудков и лжи, освободить из-под гнета коры «земности» (молодой Гоголь) человеческую душу.

Этим чувством личного долга продиктованы известные строки заключительной одиннадцатой главы «Мертвых душ», порой вызывавшие у современников обвинения в чрезмерной самонадеянности их автора: «Русь! чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?..»

Его отречение от написанного и нежелание жить, так как он не выполнил возложенную на него свыше миссию, сочтут явным проявлением душевной болезни, и начнут земными средствами насильно лечить, впрочем, нисколько в этом не преуспев. Несмотря на все старания окружающих, он всё равно умрёт в возрасте полных 42 лет.

Гоголь не оставит после себя школы в общепринятом значении этого слова.

Разве кто-то пишет сегодня «магические» пьесы вроде «Ревизора» с эпиграфом и заключающей действие «немой» сценой, которую сам автор называет едва ли не важнейшим «шестым» действием? «Немая» сцена длится у Гоголя долго, очень долго (до трех минут!), и она призвана по окончании театрального представления завершить переворот внутреннего мира всех тех людей, которые заполнили зрительный зал. Пьеса – одна только пьеса! – должна была, по замыслу автора, в корне переменить зрителя, который пришел ее посмотреть.

Мы такие задачи перед собой сегодня ставим? Нет, мы не пишем сегодня таких пьес, потому что принципиально всё это даже играть не собираемся. Мы вслед за современником драматурга актером Михаилом Щепкиным просто отказываемся ставить Гоголя на сцене по-гоголевски: «<...> я так свыкся с городничим, Добчинским и Бобчинским в течение десяти лет нашего сближения, что отнять их у меня и всех вообще – это было бы действие бессовестное. **Чем вы мне их замените?** Оставьте мне их, как они есть, я их люблю, люблю их со всеми слабостями, как и вообще всех людей. **Не давайте мне никаких намеков, что это-де не чиновники, а наши страсти; нет, я не хочу этой переделки:** это люди, настоящие, живые люди, между которыми я взрос и почти состарился, — видите ли, какое давнее знакомство. Вы из целого мира собрали несколько лиц в одно сборное место, в одну группу, с этими людьми в десять лет я совершенно сроднился, **и вы хотите отнять их у меня. Нет, я вам их**

не отдам, не отдам, пока существую. После меня переделывайте хоть в козлов, а до тех пор не уступлю даже Держиморды, потому что и он мне дорог» (М.С.Щепкин – Н.В.Гоголю, 22 мая 1847 года).

Разве кто-то задумывает сейчас «магические» поэмы-романы по образцу «Мертвых душ», которые должны обладать такой силой художественного воздействия, что читатель будет проходить процесс своего внутреннего возрождения одновременно и параллельно с возрождением к новой жизни исказившихся героев? Нет, потому что всё это мы считаем идеалистическими заблуждениями и вслед за Виссарионом Белинским готовы снова и снова повторить: «Много, **слишком много обещано**, так много, что негде и взять того, чем выполнить обещание, потому что **того и нет еще на свете** <...>».

Это человеческое и творческое одиночество, эта неистовая вера в свою миссию, это безудержное желание изменить жизнь вокруг вопреки всеобщему неверию, этот максимализм духовных запросов и аскетизм личного быта, наконец, эта бесстрашная готовность пожертвовать собой в любой момент – как они могли не зажечь и не увлечь Маркеса и писателей его континента? Ведь они были рождены близкой по природе исторической реальностью, «питающей неиссякаемый источник творчества, исполненной страдания и красоты», «усилий и крови», «бесконечного насилия», «вековой несправедливости и накопившегося ожесточения», наконец, «неодолимого превосходства жизни над смертью». Что в этих словах из Нобелевской речи не может быть отнесено к Гоголю и Украине?

По словам Маркеса, главная трудность латиноамериканской литературы состояла в том, что ее писатели, являясь детьми «необузданной реальности», осознавали, что им не хватало «обычных средств для правдоподобного изображения жизни». **В творчестве Гоголя «необычных» средств для правдоподобного изображения неправдоподобной жизни, в которых они так нуждались, было с избытком.**

Он придумал в XIX веке драматургию, формы которой мы стали осваивать только в веке XX-м. Он ломал перегородки между сценой и залом, между залом и театром, между театром и жизнью. Герои его пьесы со сцены напрямую и многократно обращались к зрителю. Эпиграф открытым текстом объявлял сцену зеркалом, в котором каждый зритель может видеть самого себя. Увидев и услышав себя, зритель должен был, по замыслу Гоголя, испугаться и ужаснуться. Ужаснуться своему сходству с героями пьесы, испугаться той степени утраты человеческого облика, которую ему наглядно продемонстрировал театр. Несомненно, именно этот круг рассуждений побудил Гоголя сделать выписку из св. Григория, епископа Нисского: «Те, которые хотят очистить и убелить лице свое, обыкновенно смотрят в зеркало. Христианин! твое зеркало суть Господни заповеди; если положишь их пред собою и будешь смотреть в них пристально, то оне откроют тебе все пятна, всю черноту, все безобразие души твоей».

Для Гоголя его пьеса – это проповедь, это многоголосый монолог автора, обращенный к каждому из сидящих в зале. Проповедь не заканчивается аплодисментами. И наш драматург в них тоже не нуждается. Он ждет другой реакции от своих современников. В книге митрополита Антония Сурожского «Уверенность в вещах невидимых» почти все беседы с прихожанами заканчиваются словами: «Давайте немного помолчим и потом вместе помолимся». Характерно, что «Слово» на панихиде в сороковой день кончины митрополита Антония близкий к пастырю протоиерей Николай Ведерников закончил такой же формулой: «Дорогие друзья! Я прошу вас: когда вы будете покидать сейчас наш храм, постарайтесь сделать это в молчании, не развлекаясь мелочными житейскими разговорами, чтобы сохранить обретенное нами сегодня чувство радости, благодатное чувство духовного единения, духовной связи <...>».

Митрополит Антоний в своих размышлениях о существе молитвы подчеркивает, что «откровение истины» часто заключено в молчании. Показательно, что Гоголь в

своих конспектах трудов святых отцов и учителей Церкви выписывает из св. Иоанна Златоуста ту же мысль: «Ибо должно говорить только тогда, когда разговор полезнее молчания». В этом случае становится понятным итоговое заключение митрополита Антония, что «есть такая глубина молчания, которую можно выразить только в гармонии жеста». Вспомним, как подробно описывал Гоголь, какой герой пьесы в каком положении и с какой жестикуляцией должен замереть в «немой» сцене. **Немой финал пьесы – своеобразный аналог коллективной молитвы, пробуждающей в каждом, по словам Гоголя, «совесть, которая заставит нас вдруг и разом взглянуть во все глаза на самих себя».**

Не удивлюсь, если как-нибудь в недалеком будущем какой-то колумбийский, австралийский или японский театр привезет в нашу страну спектакль по гоголевской пьесе, в «немом» финале которого нам, потрясенным и уязвленным, даже в голову не придет аплодировать, потому что голова наша будет занята размышлением, а души объаты радостью наконец-таки обретенной духовной связи и родства.

Гоголь вырабатывал стереотип писателя, который пробует себя во всем – в литературе (от поэзии до всех жанров прозы, драматургии и публицистики), в журнальной критике, в гимназическом и университетском преподавании, в географии, в истории, в фольклористике, в этнографии, в охотоведении, в растениеводстве, в живописи, в гастрономии, в домоводстве, в портновском ремесле, в религиоведении и прочее и прочее. Сегодня это уже для нас даже привычно, но тогда выглядело странным и вызывало обвинения в легкомысленности и хлестаковщине. Иначе и не могло быть. А ему просто было нужно опробовать самому, пропустить через себя, через личный опыт все сферы современной жизни.

Это был странный писатель. Странный во всем. Например, он лечил свои физические недуги не медицинскими препаратами, а дальней дорогой, объехав за недолгую жизнь в конном экипаже едва ли не половину известного в то время культурному человеку мира.

Он уже тогда испытал все искусства литературного творчества, которые станут популярными спустя 50-100-150 лет. Он автор произведений в стиле «прозы ужасов» (тот же «Вий» и другие). Он создатель крутых, как говорит современная молодежь, эротических фантазий (например, «Рим»). Он испытает себя «физиологической» (в смысле физиологии человеческого организма, а не литературной школы) повестью, описывающей, как выглядит человек, с которого сняли кожу («Кровавый бандурист»). Задолго до Сальвадора Дали он заполнит свой художественный мир самостоятельно живущими фрагментами человеческих тел (и это не только повесть «Нос»). А уж мистических, демонологических и всяких таинственных сюжетов в его творчестве хоть отбавляй.

И при всем при этом он радостный и верующий в будущее своего современника художник. Это всем видно в его «Вечерах», но это же переполняет его «Миргород», «петербургские повести» и «Мертвые души», хотя мы упорно доказываем обратное. Он рассказывает о трагедии своих героев нам – тем, кто может эти житейские трагедии развеять как фантом одним только своим пониманием несправедливости окружающего бытия. Именно нам предлагают проснуться и рассеять окружающий нас мрак ужаса и безысходности. Не надо никого свергать и убивать. Нет никакой безвыходности! Все возможно, все достижимо, считает Николай Гоголь. А мы вместе с Михаилом Щепкиным категорически отказываемся играть «Ревизора» как пьесу о человеческой душе, предпочитая пьесу о человеческой плоти.

И повесть «Тарас Бульба», конечно же, не исторический роман, а поэма в прозе. Каждый герой в ней – символ какой-то идеи, зачастую существующей достаточно автономно. Идеи Тараса, Остапа и Андрия – соседствуют, но не поглощают друг друга. Это очевидно всем в отношении Андрия, но это так и в отношении Остапа, что

многим может показаться весьма спорным. А между тем Остап – отнюдь не слепок с Бульбы. И в первой, и во второй редакции повести смерть Андрия он воспринимает иначе, чем Тарас.

Вокруг героев ни на мгновение не прерывает своего хоровода большой мир, путающий их планы и разрушающий замыслы и идеалы. Тарас может сколько угодно декларировать на словах свое негативное отношение к евреям, но его будет целый месяц выхаживать после трагической битвы под Дубно «знающая жидовка», а в Варшаву на встречу с сыном повезет «жид» Янкель.

Андрий – сын своего отца. Как тот не мог отказать Янкелю во время погрома и спас его, так и сын Бульбы не мог отказать панночке и отправился спасать ее от голода.

Андрий символизирует право человека на преодоление запретов «корпоративной» среды. Писатель скажет о нем: «<...> в тогдашний век было стыдно и бесчестно думать козаку о женщине и любви, не отведав битвы». Слова «в тогдашний век» сразу введут дистанцию между прошлым и настоящим, подчеркивая, что сегодня это уже не так. Гоголь прозревает, что это преодоление былых запретов осуществляется в том числе и сегодня, и оно принципиально в конце концов все равно состоится завтра. Однажды «черный», несмотря на все «корпоративные» запреты, все равно полюбит «белую», а «белая» – «желтого» или «красного». Однажды немцы придут на русскую службу, а русские – на немецкую, французскую или английскую. А если говорить о нарушенной воинской присяге, то всё, что последовало за 1917 годом, лишает нас на долгое-долгое время права говорить на эту тему. Этой присяге и государю императору изменили тогда практически все.

По Гоголю, люди должны переступить через границы ненависти. В противном случае, эти границы будут оставаться для них границами смерти. Но первые из тех, кто отважится эти границы переступить, подавая нам пример, заплатят за это жизнью.

«Мертвые души» – не роман. Это тоже, конечно же, поэма. **Это светлое и радостное произведение о грядущем и неизбежном возрождении всех этих героев, созданных совсем для другой жизни.** Это не помещики, не чиновники, не дворяне. Это просто живущие сегодня люди (включая разночинцев и крестьян), которые запутались в закоулках заблуждений и лжи. Это все мы, каждый из нас. Никому не хорошо от того, что мы такие. В первую очередь, нам самим. Так давайте это изменим, подсказывает нам автор. Я знаю, как это сделать. Но я могу это сделать только вместе с вами. Помогите же мне!

Но мы ему откажем, объявляя его веру в возможность изменения окружающего мира ненасильственным путем, мистической силой одного только слова – беспочвенным идеализмом человека, не понимающего реальности. Мы полагали, что он недооценивает незыблемости и подлинности государственных и социальных институтов, побеждающих своей каменной неподвижностью миражи романтических идеалов. В результате, за 150 лет после его смерти на наших глазах сначала в одночасье рухнула Российская империя, а потом и Советская. Так что же в итоге оказалось миражами: государственные институты или идеализм его убеждений?

Вместо того, чтобы помочь его героям (вместе с читателями!) пройти путь к обретению своего истинного облика и Божьей правды, мы запрем их в клетки своих социологических толкований, рассказывая посетителям нашего литературного зоопарка о трагической судьбе бесповоротно сломленного несправедливой жизнью маленького человека. Мы не дадим ему, маленькому человеку, состояться как свободной личности, мы сделаем его зависимым и несвободным навсегда. Мы его духовно искалечим.

В итоге, к началу XX века мы вырастим из отдельно взятых «маленьких людей» агрессивную и беспощадную толпу, которая поможет диктаторам этого кровавого

столетия истребить сотни миллионов рожденных и неродившихся себе подобных. Гоголь горестно прозревал грядущие массовые убийства и пытки, которые будут совершаться якобы во имя величайших идеалов гуманизма. Он предугадывал ожидавший нас в XX веке тотальный контроль над человеком со стороны безжалостных деспотов, опирающихся на полное согласие миллионов своих подданных.

Гоголь констатирует глубокий кризис, который переживает христианское общество. Он скажет об этом открыто и резко: «Выгнали на улицу Христа, в лазареты и больницы, вместо того, чтобы призвать Его к себе в дома, под родную крышу свою, и думают, что они христиане».

Писатель себя первого не считает праведником, свободным от этого греха. 12 января 1848 года он признается в письме о. Матфею: «<...> веры у меня нет». И тут же напишет: «Хочу верить». Именно из-за безверия, которое сразу же впускает в человеческое сердце страх, проиграет свою битву с нечистой силой Хома Брут в повести «Вий». И проиграет он ее не где-нибудь, а прямо в стенах церкви.

Гоголь ищет новый смысл церковной службы. Он пишет целый труд «Размышления о Божественной Литургии», штудирует и конспектирует, как мы уже отмечали, труды святых отцов и учителей Церкви. Он совершит паломничество к святым местам в Иерусалим, многие годы будет напряженно размышлять о существовании веры. Сын Украины, писатель на примере драматической истории своей родины знает, как сложны и трагичны вопросы существования Церкви. И при всем при этом Украина не мыслит своего существования вне Бога. Это очень глубоко и точно отметил в своем «украинском» стихотворении «М. А. Щербатовой» М. Ю. Лермонтов:

И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на Бога
Хранит она детскую веру...

Гоголь сторонник единства христиан всех обрядов (письмо М. И. Гоголь от 22 декабря 1837 года). Да что там христиан! Он неустанно молился за своих гонителей и непреклонных критиков: «Увы! позабыл бедный человек девятнадцатого века, что <...> нет ни подлых, ни презренных людей, но все люди – братья той же семьи, и всякому человеку имя брат, а не какое-либо другое». Он выписывает из св. Афанасия Великого: «Все творения Божии добры и чисты. Ибо ничего бесполезного или нечистого не сотворило Божие Слово».

Безусловно, Гоголь мог бы повторить слова Патриарха Алексия I, которые приводит в своей книге «О встрече» митрополит Антоний Сурожский: «Церковь – это тело Христово, распинаемое ради спасения своих мучителей». Именно эта мысль заключена в выписке, которую писатель делает из св. Петра: «Такое Стефан, первый по стопам Его подъявший мучения, взят беззаконниками во Иерусалиме <...> и, камением побиваемый за имя Господа Иисуса Христа, прославился, моляся и глаголя: *Господи, не постави им греха сего*».

Наднациональным образованием была, в понимании писателя, Сечь, куда приходила «гибель народа, и хоть бы кто-нибудь спросил: откуда эти люди, кто они и как их зовут». И тот факт, что тут было много «офицеров, которые потом отличались в королевских войсках», ясно говорит о том, что в казаки попадали не только дети славян. В первой редакции повести «Тарас Бульба» эта мысль была выражена кратко и предельно ясно: «<...> впрочем, из какой нации здесь не было народа?»

А мы тем временем снова и снова ведем бессодержательный спор – украинский или русский писатель Николай Гоголь. Во-первых, слово «русский» в пушкинско-гоголевское время (как и позже!) не было этнонимом. Это был политоним, определявший принадлежность человека к Российской империи. Этнонимом было

«великоросс». Поэтому, конечно же, Гоголь был русский писатель, с полным правом воспевавший в казацкой повести «Тарас Бульба» русское товарищество (не великорусское!). Гоголь был русским писателем украинского происхождения. И он никогда не забывал и не отрекался от этого своего происхождения, как Габриэль Гарсиа Маркес, будучи латиноамериканцем, не отрекался от того, что он колумбиец.

Украинская природа Гоголя сказалась во всем – в «Вечерах», в «Тарасе Бульбе», в его украинских повестях. Так, в «Старосветских помещиках» автором осуждаются «низкие малороссияне»: они «дерут последнюю копейку с своих же земляков», «наживают наконец капитал и торжественно прибавляют к фамилии своей, оканчивающейся на *о*, слог *въ*». В конце концов, его украинская природа в самой повествовательной стихии любого из его произведений. Она вся пронизана и настояна на украинском языке!

Забыв значение слов, мы через призму сегодняшних понятий читаем Гоголя и неверно его толкуем. Сколько раз уже как доказательство якобы сделанного им окончательного выбора в пользу «русской» идеи приводились слова художника из декабрьского письма 1844 года, адресованного А. О. Смирновой-Россет: «Скажу Вам одно слово насчет того, какая у меня душа, хохлацкая или русская <...>. На это Вам скажу, что сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никак бы не дал преимущества ни малороссиянину перед русским, ни русскому пред малороссиянином. Обе природы слишком щедро одарены Богом, и как нарочно каждая из них порознь заключает в себе то, чего нет в другой – явный знак, что они должны пополнить одна другую. Для этого самые истории их прошедшего быта даны им непохожие одна на другую, дабы порознь воспитались различные силы их характеров, чтобы потом, слившись воедино, составить собою нечто совершеннейшее в человечестве».

Напоминаем, что эта цитата из частного письма. В повести или статье эта фраза была бы вычеркнута цензурой, потому что эти слова – совершенная крамола. Гоголь утверждает, во-первых, что малороссийское начало ничем не уступает великорусскому по значимости и масштабу, и, во-вторых, что без него общерусское явление просто не может успешно состояться. **Вместе с малороссийским может, еще и создав при этом «нечто совершеннейшее в человечестве», а без него – нет.** Эти два начала у Гоголя расположены не вертикально, подразумевая подчинение одного другому, а горизонтально, утверждая их полное равенство.

Теоретической разработкой проблемы взаимоотношений России и Украины является незаконченная повесть «Рим», в которой этот вопрос осмыслен через ментальное противопоставление Парижа и Рима. Как герой повести в своих соотечественниках-итальянцах, так и Гоголь в народе Украины «видел» «материал еще непечатый», «стихии народа сильного <...>, для которого как будто бы готовилось какое-то прище впереди».

Думаем, что гоголевскую правоту в целом ряде вопросов мы сегодня, через 150 лет, можем наблюдать воочию.

Все видят, что Гоголь выдумщик. Все исследователи снова и снова подчеркивают, что Гоголь мистификатор. Да, он создал миф о себе самом, который гоголеведы растолковывают друг другу уже более 150 лет. Но он заплатил за этот миф не только многими томами исписанной бумаги, но и собственной жизнью. Он бескорыстен. Он создал миф не для своей, а для нашей жизни, для нашего бытия. Своим мифом он наделил наше бытие смыслом. Но этого мало. Он щедр. Он делает подарки не только Украине, но также и миру. Так, он подарил России ее главный визуальный бренд – птицу-тройку. Он также создал и подарил стране, в которой состоялся как художник, миф о Пушкине, а через него – миф о самой России и русском человеке: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это

русской человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет».

Гоголь в принудительном и безоговорочном порядке поставил перед Россией задачу: через 200 лет каждому русскому стать как Пушкин. Он не дает России прозябать. Он ставит перед ней тяжкую задачу титанического душевного труда. Он отправляет ее в дорогу. По существу, он созидает саму Россию, обозначая вехи ее развития, указывая ей ее путь.

Кстати, «пушкинский» экзамен Гоголю Россия будет сдавать совсем скоро – в 2034 году.

Гоголь, конечно, не Хлестаков, кем мы старались его порой окрестить. Да, он совсем не святой. Он земной и грешный. Он вместилище всех человеческих страстей, в том числе и суетных. Верно и не подлежит сомнению, что меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он. И мы можем вслед за его современниками и мемуаристами составить долгий список его грехов и ошибок. И в то же время и рядом с этим – он человек, у которого была миссия. Миссия, которую он осознавал и о которой не забывал даже в самых глубоких своих падениях и заблуждениях. Словом, опять по Пушкину: «Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснется <...>».

Он, конечно же, не Хлестаков. Доказать это очень просто: Хлестаковы так не умирают. Они вообще рано не умирают. Они живут долго и сыто. Он же не захотел ни того, ни другого. Он вообще не захотел с нами жить. Он решил уйти сам.

Вернется ли он к нам, как когда-то пришел в Латинскую Америку – в ответ на слышимый нами, но внятный ему призыв, – зависит только от нас.

Если не вернется, то мы еще увидим его творящим свой подвиг духовного и творческого служения в какой-нибудь другой литературе – канадской, африканской или индонезийской.

Но это опять будет вне пределов нашего национального культурного мира.

Я не думаю, что мы можем с этим согласиться.

Поступила в редакцию 06.09.2013 г.